

ЗАГАТОУДБЕНЪ

1924

1804

ЗЛАТОЦВѢТЪ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Редакторъ
Н. Г. БЕРЕЖАНСКІЙ

№ 1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ:

К. Д. БАЛЬМОНТЪ: *Линія Лада*. Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ: *Кассандра*; *Пѣснь Парокъ*. А. ЧЕРНЫЙ: *Римскіе офорты*. И. А. БУНИНЪ: *Неизвѣстный другъ*. И. Д. СУРГУЧЕВЪ: *Вѣчное*. Е. Н. ЧИРИКОВЪ: *Братья-разбойники*. А. В. АМФИТЕАТРОВЪ: *Лѣшія сказки*. ИГОРЬ ВОИНОВЪ: *Между „вчера“ и „сегодня“*. В. Я. СВѢТЛОВЪ: *Новыя постановки Дягилева*; *Парижскіе вечера*. Бар. Н. В. ДРИЗЕНЪ: *Парижскія письма*. М. К. ПЕРВУХИНЪ: *Живопись въ Италиі*.

КАРТИНЫ ВЪ КРАСКАХЪ:

А. АРХИПОВЪ: *Молодица*; *Баба*; *Дѣвушка*; *Дезертиръ*. А. МОРАВОВЪ: *Сосѣдки*; *Катанье съ горъ*. К. ЛЕБЕДЕВЪ: *Достоевскій въ ссылкѣ*. Б. КУСТОДІЕВЪ: *Пасхальное утро*. Л. ТУРЖАНСКІЙ: *Пасхальный столъ*. С. ВІНОГРАДОВЪ: *Уголокъ Москвы*. Н. БОГДАНОВЪ-БѢЛЬСКІЙ: *На облавъ*. К. ЮОНЪ: *Троице-Сергіевская Лавра*. М. ДОБУЖИНСКІЙ: *Четыре эскиза къ постановкѣ оп. „Евгеній Онегинъ“ въ Дрезденѣ*. П. КУЗНЕЦОВЪ: *Жаръ-птица (фарфоръ)*. Е. ДАНЬКО: *Жница (фарфоръ)*.

1924

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГА ДЪЯКОВА и Ко., БЕРЛИНЪ

№ 81. 8210

Обложка работы
художника И. Я. БИЛИБИНА

*

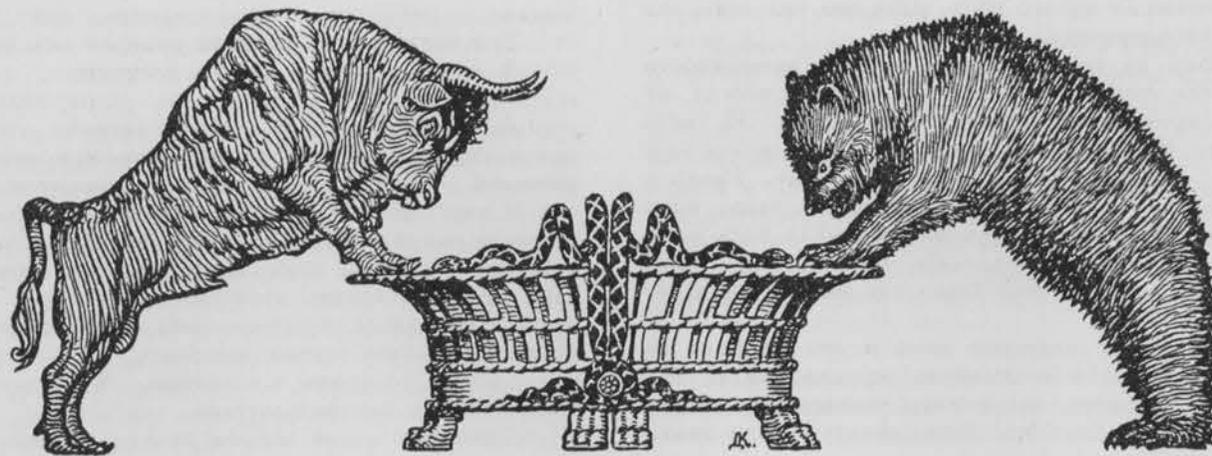
Клише исполнены
Графическимъ Институтомъ
РОБЕРТЪ УЛЬТЦЕНЪ
въ Берлинъ

*

Техническое исполненіе
М. КЛЮКЪ
въ Берлинъ

*

Напечатано
въ художественной типографіи
I. ВИЗИКЕ
въ Бранденбургъ на Гавель
въ 1924 г.

В Ъ Ч Н О Е

Маленькое кафе на Монмартрѣ. Наша компанія: двое мужчинъ и дама въ котиковомъ пальто забыты за круглымъ столикомъ въ углу. Это — блаженство, — сидѣть у большого, хорошо протертаго зеркальнаго окна и смотрѣть, какъ тамъ, куда хлопотливые люди никогда не смотрятъ, блѣдная, зимняя голубизна переходитъ въ нѣжную фиолетовую окраску: чудесная цвѣтистость парижскаго предвесенняго неба. Весь день мы бродили по городу, въ какомъ-то трактирчикѣ ѣли соль и поммъ-фритъ, — теперь въ этомъ уголку коротаемъ свой досугъ. Здѣсь торгуютъ табакомъ, почтовыми марками, апперитивами. На возвышеніи, въ другой комнатѣ, стоятъ два билліарда-карамболь.

— И что это за билліарды? — ворчитъ мой спутникъ, одѣтый еще по-московски, недорѣзанный буржуй: — не билліардъ, а коробка спичекъ. Ни лузь тебѣ, ни пространства, ни кievъ порядочныхъ. То ли дѣло у насъ бывало: какъ ахнешь дворянскимъ ударомъ пятнадцатаго, въ правый уголь, такъ вѣдь это же, батюшка, удовольствие, эстетика. А осьмерка — бабушкино наслѣдство? А двойка — модистка? А одиннадцать — барабанныя палки? А семерка — кочерга? Эхъ!

Я люблю Парижъ, но моя любовь никому не нужна и вся главная префектура будетъ рада, если обременительный иностранецъ задумаетъ держать путь въ другую сторону. Когда-то мы пріѣзжали сюда съ карманами, полными золота и, завидѣвъ насъ, каждый оркестръ начиналъ играть: „Не шей ты мнѣ, матушка...“ А теперь...

— А теперь? — подхватываетъ наша хорошенькая спутница съ обильно подведенными губками: — а теперь вы просто постарѣли, мой другъ. Посмотрите на себя въ зеркало: когда около ушей начинаютъ прорѣзаться морщинки, тогда начинается то, о чемъ говорятъ: дѣло плохо.

Пусть плохо, но двѣ вещи въ этомъ прекрасномъ городѣ приводятъ меня въ ярость: фальшивыя фіалки на могилѣ Мопассана и слашавая, лицемѣрная надпись въ вагонахъ метро: „N'oubliez pas que, les places numérotées sont réservées aux mutilés de la guerre.“

Аux mutilés, которые спасали этотъ городъ и которые тутъ же въ сосѣднихъ коридорахъ, на каменномъ полу, безногіе и безрукіе, умоляютъ объ одномъ су...

Но къ чорту политику! Будемъ наслаждаться жизнью города гордаго, побѣдителя, пѣтуха, кричащаго на всю вселенную. Здѣсь нѣтъ орловъ, — здѣсь пѣтухи и, надо сознаться, пѣтухи, прекрасно наладившіе свой бытъ.

У нихъ — прочный патриотизмъ, дешевыя газеты и контрамарки во всѣ театры: билеты существуютъ только для иностранцевъ. И кромѣ того:

— Закройте вотъ эти кафе и публичные дома — и завтра же все населеніе подниметъ возстаніе, — говоритъ одинъ мой пріятель, беллетристъ, специализировавшийся на изображеніи женской психологіи.

Но къ чорту и женскую психологію: фиолетовое небо похоже на ту мантию, въ которую облачаютъ православныхъ архіереевъ, когда они въ девять часовъ воскреснаго утра пріѣзжаютъ служить обѣдню. Мягко стелется бась протодіакона, а хоръ гремитъ на высотѣ: „Да возрадуется душа твоя“, сочиненіе Бортнянскаго. И тихонько позвякиваютъ мѣдяки у свѣчнаго ящика. Румяны и свѣжи лица женщинъ, вставшихъ рано...

Но къ чорту и воспоминанія! Здѣсь, на фонѣ этого неба, видны чаши домовыхъ трубъ: лѣсъ, выстроенный для весеннихъ кошекъ. Да здравствуетъ жизнь!

Въ углу — продажа правительственныхъ папиросъ и сигаръ: цвѣтные пакетики на разныя цѣны и сѣрыя коробки. Полу-круглая стойка, на которой разставлена чудесно вымытая посуда, блюдечки, съ цифрами цѣнъ, бутылки разъ навсегда утвержденныхъ образцовъ. Что скажетъ міръ, если бенедиктинъ, знаменитый *opus monachorum benedictorum*, налить въ простое бѣлое стекло, въ какомъ, на примѣръ, въ Россіи когда-то продавали казенную водку? И стоятъ они, въ своихъ столѣтнихъ мундирахъ, — эти пузатые бенедиктины, стройные Мартели, грузныя шампанскія, сентиментальные кувшинчики какао-шуа, шартрезы съ матовыми надписями.

На билліардѣ играютъ и орутъ по-англійски негры, — музыканты изъ какого-нибудь сосѣдняго учрежденія: ихъ гитарообразные инструменты, въ коричневыхъ чехлахъ, лежатъ тутъ же, на подранномъ диванѣ. Къ кафе то и дѣло подѣзжаютъ, харкая, автомобили, въ двери вваливаются красномордые, обвѣтренные шоферы и, потирая озябшія руки, отдаютъ короткія приказанія на счетъ абсента и другихъ крѣпчайшихъ напитковъ.

На дворѣ не холодно, но, все-таки, мерзнешь на этой проклятой коробкѣ, вытѣснившей съ улицъ лошадей точно также, какъ кинематографъ вытѣсняетъ со старыхъ благородныхъ сценъ Гамлета и Кина.

Всякому человѣку присуще любить свою молодость и я люблю это монисто: Pigalle, Cléchy, Blanche. Когда-то здѣсь, въ Néant, хоронили живыхъ людей, зажигали люстры, скомпанованныя изъ черепа и человѣческихъ костей; на потертыхъ гробахъ, при свѣтѣ тонкой восковой свѣчки, кощунственно распивали пиво, — слюну чахоточныхъ, по объясненію актера, одѣтаго въ цилиндръ факельщика. Гдѣ-то въ глубинѣ подвала, гремѣлъ на органѣ реквиѣмъ. Въ раю васъ встрѣчалъ апостолъ Петръ съ трубкой во рту и ключами за поясомъ. Въ аду за вашъ собственный франкъ, весело и добродушно издѣвался надъ вами упитанный Мефистофель и надъ головой, пугая дѣвушекъ и не пугая англичанокъ, раскачивались страшныя, толстыя, резиновыя змѣи, выпускающія жало съ точностью часового механизма. Вертѣлась Красная Мельница, теперь сгорѣвшая, звенѣлъ табакъ: всемірные образцы танцулекъ берлинскихъ, стокгольмскихъ и нью-йоркскихъ. Теперь все поблекло, постарѣло; вмѣсто вальса — фокстротъ и джимми. Умеръ Іоганнъ Штраусъ и на его тронѣ сѣли вотъ эти улюлюкающіе, вопіющіе, горланящіе, мяукающіе негры. Они пьютъ сейчасъ какіе-то разнообразныя напитки, говорятъ по-англійски и, слава Богу, мы ихъ не понимаемъ.

Посреди кафе горитъ печка, разрекламированная во всѣхъ катакомбахъ метро. Мы знаемъ, что она поглощаетъ мало угля и даетъ много тепла. Около нея пріютилась компанія, на которую война не оказала ни малѣйшаго впечатлѣнія, которая за эти десять лѣтъ не мѣняла ни психологіи, ни лозунговъ, ни міросозерцанія; исповѣдующая ту религію и философію, которую спасалъ когда-то въ ковчегѣ праотецъ Ной, насадившій виноградникъ. Эта компанія: песь, котъ и котенокъ.

Песь — большой, уже не первой свѣжести, съ острыми торчащими ушами, безпокойный, напряженный. Главная причина этой напряженности — котъ. Всѣ переживания пса, всѣ его думы, каждое движеніе мысли можно угадать по хвосту, который ни одной секунды не остается спокойнымъ. Песь бездаренъ, но честенъ рыцарски. Его голова разрабатываетъ только простыя истины. Онъ — солдатъ, который никогда не будетъ офицеромъ. Онъ дѣловито, въ два приѣма, понюхалъ мои ботинки, гетры буржуа, пальто всѣхъ негровъ, нѣсколько внимательнѣе отнесся къ котиковой шубѣ нашей спутницы, составилъ себѣ точное и определенное представление о всѣхъ насъ и можно биться объ закладъ, что этого представления у него не выбьютъ изъ башки никакія обстоятельства. Спокойно, очевидно въ сотый разъ, онъ мирно и беззлобно понюхалъ носъ маленькаго котенка и оставилъ его въ покоѣ. Этотъ черный, какъ уголь, котенокъ былъ тотъ самый, котораго нужно поймать, когда идешь искать разрывъ-траву подъ Ивановъ день. Въ такихъ, какъ онъ, живутъ таинственныя силы и, если его въ темнотѣ почесать гребешкомъ, то появятся электрическія искры.

Совсѣмъ другого склада большой котъ. Онъ бѣлый, но подъ самымъ носомъ у него были черныя пятна: казалось, что онъ хотѣлъ загримироваться и неудачно навелъ себѣ фальшивые усы. Ходилъ онъ медленно, часто потягиваясь, когда ложился, то заворачивалъ хвостъ полукольцомъ вокругъ себя, притворялся спящимъ и усталымъ отъ мелочей жизни, отъ заботъ, отъ думъ, — но за всѣмъ этимъ было ясно, что все внутреннее его напряжено и, не выдавая волненія, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ пса. Среди людей такими бываютъ только игроки, выигрывающіе у нервнаго партнера на самой пустячной картѣ.

Задача пса ясна, какъ день: слѣдуетъ коту невыносимую жизнь въ кафе. Нужно, чтобы онъ убрался куда угодно, — но только не былъ бы здѣсь. Песь презираетъ и ненавидитъ его живо-философскую, притворно-спокойную морду; этотъ медленный и вылизанный хвостъ, данный для того, чтобы скрывать

мысли; эту приторно выгибающуюся спину, эти якобы беззаботныя потягиванія и, самое главное, — глаза: круглые, важныя, умныя и безгранично злыя съ четкимъ, перпендикулярнымъ зрачкомъ.

Котъ, оцѣнивъ всѣ позиціи, усѣлся на столѣ и почти съ человѣческимъ вниманіемъ смотритъ, какъ монтеръ поправляетъ счетчикъ. Монтеръ работаетъ съ зажженной лампой, отыскиваетъ порчу и, видимо, не понимаетъ, въ чемъ дѣло. У кота такой видъ, что умѣй онъ говорить по-французски, — то въ два счета объяснилъ бы этому идиоту, гдѣ загвоздка. Это понимаетъ песь и, благоговѣнно понюхавъ каблукъ монтера, ложится у его стула, прижимаетъ морду къ полу, и, явно сдерживая себя, порою взвизгиваетъ отъ внутренней боли. Коту это не нравится, онъ спрыгиваетъ со стола и спокойно, по полу, шагаетъ подальше отъ грѣха, къ печкѣ, съ явнымъ намѣреніемъ подлѣзть подъ нее. Песь приподнялся на подогнутыхъ переднихъ лапахъ и затаилъ дыханіе.

И вдругъ моего буржуа прорвало.

— Куси! — заоралъ онъ по-русски на весь домъ.

Песь съ быстротой молніи рванулся на кота съ такой силою, что повалился стулъ и шархнувшись въ сторону негры. Рычанье, фырганье, — все смѣшалось вмѣстѣ. Среди переполоха было ясно видно, какъ оцетинившійся котъ изловчился и ловко, поочередно обѣими лапами въ одну секунду надавалъ псу по мордѣ.

Черезъ минуту картина была такова: котъ полеживалъ наверху рулетки, — это была явно неприступная позиція, — на смѣшливо подремывая, поглядывалъ однимъ глазомъ, а песь сидѣлъ подъ нимъ и съ безсильной злобой подвывалъ, бездарно постукивая по полу хвостомъ.

И вся кофейня на трехъ языкахъ: на французскомъ, англійскомъ и русскомъ издѣвалась надъ нимъ, надъ неудачей, надъ побитой мордой. Особенно старался буржуй.

— Ишакъ ты, а не песь! — укоризненнымъ басомъ, съ искренней досадой разливался онъ: — дать себѣ морду набить и кому? Тебя, идиота, на живодерню свести надо, а не въ кафе держать. А котъ молодецъ. Будь онъ мой, я бы звалъ его: Месаксуди.

Наступила тишина. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за разыгравшейся драмой... Она была понятна зрителямъ, чувства ея были просты и несложны, темпераментъ боролся съ хитростью и хотѣлось знать, чѣмъ все это кончится. И вдругъ среди этой тишины послышался раздраженный женскій голосъ.

— Понимаешь? — говорилъ онъ, — все это была случайность. И я прошу тебя разъ навсегда: не напоминай объ этомъ и не пиши мнѣ этихъ идиотскихъ писемъ.

— Но слушай, — вѣдь я же люблю тебя, — кто-то отвѣтилъ на плохомъ французскомъ языкѣ.

Всѣ невольно обернулись въ сторону говорившихъ: въ противоположномъ углу, за круглымъ столикомъ, сидѣла парочка: она — миловидная, курносенькая блондинка. Онъ — негръ изъ компаніи, игравшей на билліардѣ. Увлеченные борьбой кота и пса, мы не замѣтили, когда она пришла въ кафе, какъ встрѣтилась съ негромъ и какъ началась ихъ бесѣда.

Въ порывѣ разговора они не замѣчали насъ, не понижали голоса и всѣ секреты, тоже простыя и несложныя, дѣлались общимъ достояніемъ.

— И не лѣзь ты ко мнѣ и не мѣшай мнѣ. Не становись мнѣ на пути. Можетъ быть, это мое послѣднее счастье, — говорила она: — мнѣ двадцать семь лѣтъ, все-таки.

— Твое послѣднее счастье, — убито, какъ эхо, повторялъ негръ.

— Да, мое послѣднее счастье, — упорно повторяла женщина: — и если все пойдетъ хорошо, я, можетъ быть, дамъ тебѣ тогда тысячу франковъ. Ты купишь себѣ новый костюмъ и ботинки съ узкими носами. Ты, вѣдь, черненькій, будешь помнить меня, а?

— О, буду ли я тебя помнить? — восторженно и восхищенно сказал негр и я в первый раз увидѣлъ, какъ у негровъ текутъ по чернымъ щекамъ серебристыя слезы: — можно ли тебя не помнить?

— О, да, да! — несомнѣвающимся тономъ подтвердила она, достала изъ сумочки зеркальце, осмотрѣла поочередно глаза, носъ, потрогала мушку на подбородкѣ, подвела губы карандашемъ и самодовольно замѣтила: — меня долго помнить, но что же дѣлать? Надо жить? Надо одѣваться? Надо покупать духи? Жизнь дорожаетъ? Въ дансингъ тоже даромъ не пускають, — не такъ ли?

И она дѣлала традиціонный французскій жестъ, означающій покорность обстоятельствамъ и року. Потомъ, успокоившись, заботливо вытерла лицо пуховкой и оно стало еще болѣе яркимъ, покрытымъ неровными и какъ бы припухлыми пятнами.

— У женщины есть двѣ узаконенныя вещи: пудра и губная помада. Пудра должна быть всегда. Помада можетъ иногда стираться, — какъ безспорный афоризмъ произнесла наша спутница, и тоже достала золоченый убигановскій карандашикъ и начала мусолить имъ выдвинутыя губки.

— А я еще зналъ кота, котораго звали Панихидой, — бубнилъ снова потускнѣвшій и заскучавшій буржуй, неодобрительно поглядывая на посрамленного пса.

Разговоръ былъ недологъ, собесѣдница негра достала изъ сумки бисерный кошелекъ, бросила на столъ нѣсколько мѣдяковъ и ушла.

Подошелъ лакей, собралъ мѣдяки и, вопросительно взглянувъ на негра, спросилъ:

— А на чай? Эта щедрая женщина, которая такъ охотно раздаетъ тысяче-франковые билеты, на чай не оставила ни одного сантима?

Негръ досталъ изъ жилетнаго кармана франкъ и подалъ ему.

— Она забыла, — сказалъ онъ: — она добрая.

— Нужно сдачи? — спросилъ лакей, насмѣшливо глядя на негра.

— Не нужно сдачи... — уныло отвѣтилъ тотъ.

Лакей, который видимо зналъ въ своей округѣ все и вся, съ удовольствіемъ опустил монету въ карманъ, вытеръ столъ, потомъ снова вынулъ франкъ, звякнулъ имъ о мраморъ и спросилъ:

— Слышишь?

Негръ ничего не понимая смотрѣлъ на него.

— Это бронзовый франкъ, — сказалъ лакей, досталъ изъ другого кармана другую монету и бросилъ ее тѣмъ же приѣмомъ. Она звякнула звонко и голосисто.

— А это серебряный, — пояснилъ онъ.

Негръ недоумѣвалъ.

— Чувствуете разницу? — спросилъ лакей.

— Чувствую, — отвѣтилъ негръ.

— Ну вотъ то-то, — наставительно сказалъ лакей: — и надо выбросить это изъ головы.

— Но если бы ты зналъ, Франсуа...

— Но если бы ты зналъ, Франсуа, — сердито передразнилъ его лакей: Франсуа не знаетъ, Франсуа вчера родился на свѣтъ. Франсуа не знаетъ, что мѣръ это майонезъ изъ спалень, гостиныхъ, клозетовъ и бистро...

Франсуа собирался развить свои мысли обстоятельнѣе, но кто-то крикнулъ изъ билліардной:

— Alors?

И Франсуа поднялся по лѣстничкѣ и сразу было видно, что у него подагристыя ноги...

*

У Франсуа я узналъ, гдѣ работали эти негры. Это былъ обычный парижскій дансингъ, въ которомъ поочередно играли два оркестра. Негръ сидѣлъ за роялемъ. На головѣ у него былъ укрѣпленъ крошечный клоунскій цилиндръ. Онъ комически вертѣлся на стулѣ, лупилъ кулаками по клавишамъ и, порою, вмѣстѣ со всѣми, завывалъ что-то дикое и несуразное. И только бѣлые буркулы его странно свѣтились печалью и, казалось, не видѣли ничего, но квинты и хитрые переливчатые пассажи въ дискантахъ выходили у него отчетливо и мѣрно. Танцовало въ залѣ народу паръ триста.

И. Суртучевъ

